

УДК 94(47).084

**ХАДЖ МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

© Ю.Н. Гусева

В статье на основе архивных документов и опубликованных материалов анализируются особенности хаджа мусульман из Волго-Уральского региона на протяжении первой трети XX в. Основное внимание уделяется освещению масштабов паломничества и обстоятельств, затруднявших (стимулировавших) этот процесс. Делается вывод о том, что помимо факторов материального порядка и особенностей государственно-исламских отношений в этот период возможности для совершения хаджа сужались ввиду утверждения модернизационных тенденций в среде местного мусульманского духовенства и специфики позиции Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ).

Ключевые слова: хадж, мусульмане Волго-Уральского региона, паломничество, Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ), мусульманское духовенство.

Осознание специфики духовной жизни мусульман СССР, необходимое для грамотного анализа современных процессов реисламизации, невозможно без освещения повседневных религиозных практик, конкретных форм духовной жизни верующих на различных этапах российской истории. В настоящее время мы можем достаточно обстоятельно рассуждать о том, какими были законодательные возможности для соблюдения исламских норм, говорить о жизни верующих в махалля (приходах), о роли имамов и мухтасибов, позиции Центрального Духовного Управления Мусульман (ЦДУМ) и пр.

Проблема совершения хаджа российскими последователями Пророка является одним из наиболее малоизученных вопросов отечественного исламоведения. К настоящему времени усилиями историков накоплен интересный, но не обобщенный в виде монографий материал о хадже из Волго-Уральского региона. Большинство исследований посвящено дореволюционному времени: имеются публикации хадж-наме (путевых заметок местных паломников) [1–2], статьи, рассматривающие некоторые аспекты проблемы [3–7]. «Советский период» хаджа также исследован до-

вольно фрагментарно [8–11]. Возможности использования наработок советских исследователей (предметнее всего этим вопросом занимался крупный исламовед Л.И. Климович [12–13]) затруднены из-за их явной идеологической пристрастности.

1920-е гг. в этом отношении выглядят еще более скудно. Те данные, которые приводятся в работах ученых советского времени, не позволяют нам сформировать представление о позиции государства в отношении паломничества и паломников, о собственных усилиях поволжских мусульман в этом направлении. Статья содержит анализ внутри- и внешнеполитической обстановки, которая благоприятствовала или ограничивала возможности для совершения хаджа в первой трети XX в.; содержит анализ позиции самих верующих и стремлений национально-религиозной элиты, деятельность которой в это время в пределах региона отчасти можно отождествлять с работой ЦДУМ.

Впервые на основании уникальных, ранее не опубликованных архивных источников освещаются и анализируются решения государственных органов (Наркомата иностранных дел – НКВД, Восточного отдела ГПУ

ГУСЕВА Юлия Николаевна – к.и.н., Самарский филиал ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», e-mail: j.guseva@mail.ru

и НКВД), касавшиеся проблемы организации паломничества мусульман советского государства¹. Формально они относились к верующим всех областей и «восточных окраин» (Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия), однако, как мы отметим далее, применялись весьма избирательно, с учетом текущей политической обстановки.

Прежде чем анализировать обстоятельства советского периода, отметим, что в начале XX в. численность хаджи из Российской империи по различным оценкам составляла от 8 до 20 тысяч человек в год². Основными направлениями движения паломников были – московское, севастопольское, батумское, одесское. Именно маршрут через Одессу, далее в Стамбул и в Джидду являлся наиболее популярным у мусульман Среднего Поволжья [5, с. 119–127]. В начале века верующие из поволжских сел и городов, как правило, выезжали в Мекку через 70 дней после ураза-байрама, дабы прибыть на место к празднику жертвоприношения, Курбан-байраму.

Вопрос о приблизительном, а тем более точном количестве паломников из Волго-Урала в виду слабого государственного учета в

настоящий момент остается открытым. (Заметим, что это является косвенным подтверждением того, что имперские власти до начала XX в. вообще не уделяли этому вопросу повышенного внимания, фактически пуская дело на самотек). По воспоминаниям хаджи, в 1911 г. в Мекке находилось только 160 человек³ – выходцев из этого региона [3, с. 79]. Это предприятие требовало существенных материальных и временных затрат и, конечно, было доступно ограниченному числу татар, башкир⁴.

Численность хаджи зависела от внешнеполитической⁵, эпидемической ситуации и прочих внешних обстоятельств. Но вряд ли корректно будет утверждать, что основными сложностями были препоны законодательного характера, скорее, речь нужно вести о материальных причинах и, отчасти, о мировоззренческих изменениях в сознании элиты, о внешних обстоятельствах, сопровождавших путешествие в Мекку. Как подчеркивают очевидцы и современные исследователи, хадж был весьма рискованным во многих отношениях предприятием, которое усилиями нечистых на руку дельцов внутри Империи и за ее пределами, превращалось для паломника в

¹ Они представляют собой секретные циркуляры Восточного отдела ГПУ, переписку этих органов, материалы межведомственных совещаний, доклады с мест. Значимость этого вопроса для властей подтверждается тем, что большинство документов визировано не только начальником Восточного отдела ГПУ Я. Петерсом, начальником I-го отделения ВО В. Соколовским, но и заместителем председателя ГПУ И. Уншлихтом. Материалы НКВД подписаны Л. Караханом (в 1922–1923 гг. – заведующий Восточным отделом этого ведомства). Ценность данных документов состоит и в том, что они являлись хронологически первыми решениями официальных органов по данному вопросу.

² А.Т. Сибгатуллина со ссылкой на официальную статистику пишет о 8 000–12 000 хаджи [4, с. 125]; Л.И. Климович называл цифру в 16 000 человек [12, с. 46]. Чекисты со ссылкой на статистические сведения судоходных кампаний 1914 г. указывают на примерное количество 13 000–20 000 паломников [Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 27 об.]. Столь значительная разница, возможно, продиктована тем, что в одних случаях паломниками из Российской империи считались не только мусульмане «внутренней России», Сибири, Крыма, но и жители Средней Азии, в других – среднеазиатские единоверцы, жители Бухары, Хивы, учитывались отдельно.

³ Для сравнения: по официальным данным, в этом году только на судах Добровольного флота было перевезено 11 593 «русских» паломника [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 27 об.].

⁴ По данным А. Давлетшина, в конце XIX в. расходы на это предприятие в среднем составляли 2 000 руб., путешествие длилось несколько месяцев [6]. Время на переезд существенно сократилось после организации железнодорожного сообщения между Туркестаном, Поволжьем и Центральной Россией в 1905 г., а также после создания в 1909 г. Медино-Бейрутской железной дороги [4, с. 125].

⁵ Закономерно, что существенное сокращение российских паломников произошло накануне и в годы Первой мировой войны, т.к. Мекка и Медина находились под юрисдикцией Османской Турции.

настоящее испытание, нередко грозившее ему потерей здоровья и состояния¹.

Однако стремление соблюсти религиозный канон вкупе с предпринимательской жилкой местных тюрок, породили нетипичную, можно сказать, модернизированную форму паломничества – бедел-хадж (бадаль-хадж), т.е. совершение паломничества по доверенности, «когда один паломник за предоставленные ему средства на поездку выполнял обряды также и за другого мусульманина. В подтверждение он привозил документ – свидетельство о хадже (хаджнаме)» [4, с. 130–131].

Повторимся, что, по нашему убеждению, российские имперские власти, особенно до начала XX в., относились к хаджу вполне нейтрально и фактически в большей степени контролировали выдачу заграничных паспортов, вопросы санитарно-эпидемиологического характера (путем создания карантинных пунктов). Остальные аспекты путешествия в значительной степени решались на уровне местной администрации и усилиями наиболее активных и состоятельных мусульман-попечителей. Отношение к нему несколько изменилось ввиду младотурецкого переворота в Османской империи, общей активизации национально-религиозного движения среди «русских» мусульман², однако это не повлекло за собой существенных законодательных изменений: власти ограничились небольшим набором запретительных мер, направленных на сужение турецко-российских контактов³.

Таким образом, накануне 1917 г. паломничество из Волго-Уральского региона не носило сравнительно массового характера, испытывало на себе влияние ряда внешних факторов, при этом решающими были моменты материального и внешнеполитического характера. Определенную роль могли сыграть тенденции укрепления светских начал, которые расшатывали консервативные религиозные устои и по-своему способствовали трансформации паломнической практики (бедел-хадж).

По вполне понятным причинам в первые постреволюционные годы поток паломников-волжан практически иссяк: социальная и политическая нестабильность времен Гражданской войны, голод в Поволжье и Приуралье, пересмотр системы международных отношений – все это лишало российских мусульман возможности выполнить свой религиозный долг. Вполне понятно, что власти до начала НЭПа не получали от поволжских татар и башкир ходатайств о разрешении на выезд [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 37].

Согласно официальным данным, в 1922 г. в различных районах СССР картина заметно изменилась: обозначилась тенденция нелегального выезда верующих в Мекку и Медину. Наибольшее количество хаджи отмечалось в Туркестане (Ферганской, Самаркандской областях)⁴. По сведениям начальника казанского Всеотдела ГПУ С. Шварца⁵, среди татар Казанской губернии в годы революции и в начале 1920-х гг. не было верующих, обратившихся с

¹ См., например, описания Д.Ф. Соколова «О паломничестве мусульман в Мекку» (1898–1899 гг.) (Из отчета Д.Ф. Соколова Его Высочеству Принцу Ольденбургскому о командировке в г. Джидду) [9]; Отчет штабс-капитана А. Давлетшина «О командировке в Хиджаз» [6].

² В этот период хадж оценивался властями как средство разжигания «мусульманского фанатизма в смысле стремления к религиозно-политической обособленности», проистекавшей из отношения к халифу Османской империи как к духовному лидеру мусульман-суннитов всего мира [Цит. по: 14, с. 433].

³ Недопущение высадки россиян у турецких берегов, перевозка исключительно на пароходах российских компаний.

⁴ По приблизительным оценкам специалистов ВО ГПУ, в 1922 г. только из Ферганской долины в хадж выехало несколько тысяч человек [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. ЛЛ. 10 об., 54].

⁵ Шварц Сергей Соломонович (1894–1940) – родился в Виленской губернии, окончил 6 классов гимназии. В 1914 г. вступил в РСДРП(б), а с 1917 г. занимал ответственные посты. Во время Гражданской войны работал в карательных органах советской власти. С 1922 г. возглавлял Татарское (Всеатарское) ГПУ, позднее – полпред ОГПУ в Крыму, начальник Владивостокского окружного отдела ОГПУ, особо уполномоченный ГПУ УССР. Репрессирован.

подобными ходатайствами в адрес советских учреждений¹. Тогда же не зафиксировалось массового нелегального паломничества. Это, безусловно, не означает, что в регионе вообще не было желающих отправиться к священным местам, но число их по-прежнему оставалось сравнительно незначительным.

Учитывая эту тенденцию, в 1923 г. центральные государственные органы управления (НКВД, НКВД, ГПУ-ОГПУ, НКН и Наркомфин), озаботились вопросом урегулирования правил выезда «советских» мусульман в Мекку и Медину. Аналитики ВО ГПУ, в частности, вслед за своими дореволюционными коллегами продолжали считать хадж средством укрепления в массах «религиозного фанатизма и панисламизма», результатом чего могло стать налаживание контактов с эмигрантами-тюрькистами, расширение «антисоветского» движения за национально-религиозную независимость тюрок-мусульман [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 10].

Поэтому неудивительной выглядит жесткость позиции ГПУ: «Если было бы возможно запретительными мерами воспрепятствовать к выезду мусульман в Мекку, ВОГПУ, безусловно, стояло бы на этом запрещении...» [Там же. Л. 10 об.]. Но все же был ряд факторов, которые не позволяли ему настаивать на радикальном решении этого вопроса. К таковым относились: наличие возможностей для нелегального выезда (особенно в местностях Средней Азии); нежелательный международный резонанс подобного решения.

Исходя из концептуального восприятия хаджа как «неизбежного зла» (формулировка аналитиков Восточного отдела), с которым следует «мириться», сводя на нет его возможные негативные последствия, принимался ряд законодательных решений, направленных

на установление контроля над паломниками, на придание хаджу организованного легального характера. В частности, было решено с помощью бюрократических средств максимально контролировать процесс подготовки, выдачи загранпаспортов (было дано негласное указание затягивать оформление документов), формировать группы выезжающих, вывозить их специальными транспортными средствами (особыми вагонами, пароходами), а затем сопровождать их на всем пути следования [Там же. ЛЛ. 1–10 об.].

Особо было оговорено то, что о возможностях совершения паломничества не следует информировать общественность, дабы избежать возможного наплыва «богомольцев» и по возможности принимать меры по предотвращению хаджа². В этом вопросе органы политического сыска предлагали в большей степени ориентироваться на «глас народа», то есть разглашать информацию и соответствующее реагировать лишь в том случае, если мусульманское духовенство «возбудит соответствующее ходатайство перед Соввластью» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 27 об.].

В отличие от позднеимперского периода 1920-е гг., безусловно, давали меньшие возможности для хаджа, но материальные сложности и государственный «зажим» были далеко не единственными обстоятельствами, затруднявшими выезд верующих за пределы СССР. Безусловно, как и прежде, негативную роль играла нестабильная ситуация на Ближнем Востоке: борьба между мировыми державами и ближневосточными правителями за влияние на Арабском полуострове и в регионе в целом, попытки СССР включиться в эти процессы, укрепление в Хиджасе³ и Неджде позиций Ибн-Сауда, главы ваххабитов, и создание третьего саудовского государства⁴.

¹ Докладная записка в Восточный отдел ГПУ была составлена 28 сентября 1923 г. [Там же. Л. 37].

² Как подчеркивалось в одной из записок работников ВО ГПУ, адресованной заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту, от 22 февраля 1923 г., следовало «...приложить усилия, чтобы в нынешнем году паломничества не было» [Там же. Л. 10].

³ Провинция на западе Аравийского полуострова, на территории которой расположены Мекка и Медина.

⁴ Идеи «очищения» ислама, введенные на территории нового государства (запрет курения, употребления спиртного, ростовщичества, ношения шелковых одежд и украшений, траура, гаданий, запрет на раздачу милостыни, на посещение любых иных «святых мест», кроме могилы Пророка) также вызывали неоднозначную

С другой стороны, налаживание дипломатических отношений между СССР и новым арабским государством, начавшееся в 1923 г., вполне могло способствовать расширению масштабов паломничества [16]. Однако очевидно, что этого не происходит. Попытаемся ответить на вопрос: почему?

Безусловно, имело важное значение то, что мусульмане Волго-Урала не имели информации о том, что СССР де-юре не возражает против выезда паломников. Совсем по-иному, например, складывалась ситуация в охваченной басмаческим движением Средней Азии: в 1923 г. в целях борьбы с «антисоветчиной», для того, чтобы расположить к себе рядовых верующих, кроме прочих послаблений (возвращения вакуфов, легализации судов казиев и пр.) [17, с. 103], власти пошли на разглашение информации о возможности совершить хадж. После этого только в Андижане около 6 000 человек¹ высказали желание направиться в Мекку, но смогли выехать не более тысячи верующих [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 55].

Но не стоит объяснять незначительное количество хаджи (или их полное отсутствие) исключительно фактором информационной блокады. Тем более, что духовные контакты между Средней Азией и Татарией в этот период оставались достаточно крепкими: многие духовные лидеры и рядовые верующие в годы голода бежали в Ташкент, Бухару в поисках лучшей доли. По нашему убеждению, важное значение имели потребности и возможности самих верующих, выразителем интересов последних перед советской властью являлось Центральное Духовное Управление Мусульман (ЦДУМ).

По данным ВО ГПУ, на съезде ЦДУМ, состоявшемся 10–25 июня 1923 г. в Уфе, некоторые участники пытались вынести вопрос о хадже на всеобщее обсуждение, включив его в повестку дня, но безуспешно. Президиум съезда отклонил это предложение «...по тем соображениям, что поездка в Мекку и Медину в силу политического положения на Ближнем Востоке связана с большими трудностями, даже если Советская власть разрешит свободный выезд» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 660. Л. 27]. Учитывая ранее отмеченную выжидательную позицию органов ГПУ, стремившихся в случае с Волго-Уралом не обнародовать решения властей, ожидая инициативы «снизу»², становится понятным, почему информация о возможности совершения паломничества не была широко известна.

С другой стороны, осторожная позиция национально-религиозных лидеров муфтията, сыгравшая «на руку» Советам, теоретически могла расходиться с реальными запросами верующих, которые потенциально, подобно своим среднеазиатским единоверцам, могли просить или требовать соблюдения их религиозных свобод, в том числе и в этом вопросе. Но реальная ситуация была совсем иной: документы 1920-х гг. не фиксируют массовых обращений и наказов в адрес ЦДУМ и государственных органов с просьбой разрешить паломничество.

Ответ на закономерный вопрос «почему», думается, лежит в нескольких плоскостях. Исключительно важным был материальный фактор: Гражданская война и сильнейший голод, который начался в некоторых поволжских и приуральских губерниях уже в 1919 г., сильно подточили социально-экономическую

реакцию со стороны широкой мусульманской общественности [12, с. 45–46]. Однако это не смущало большевистские власти, которые в своем стремлении наладить и расширить дружбу с саудитами, давали «добро» на научную оценку ваххабизма как идеологии «недрждского крестьянства, которое объединилось и сплотилось под знаменами своего духовного вождя (А. Ваххаба. – Ю. Г.)... и вступило в борьбу с грабившими его бедуинами, с одной стороны, со своими мелкими князьками и шейхами, разорявшими его – с другой» [15, с. 76].

¹ В документе они были обозначены как «басмачи».

² Однако необходимо отметить, что, как показывают опубликованные материалы мусульманских съездов 1920-х гг. (и не только данного региона), некоторые решения и резолюции ЦДУМ заготавливались в кабинетах ВО ГПУ или же с ним согласовывались (см., напр.: 18). Думается, что чекисты в каком-то смысле «переиграли» местных мусульманских лидеров, взяв, среди прочего, под свой полный контроль и вопрос о хадже.

основу развития и крестьянских хозяйств, и предпринимательства. Другая часть платежеспособной национальной элиты к середине 1920-х гг. оказалась в эмиграции.

При этом не стоит умалять и фактор усиления светского, секулярного, начала в сознании значительной части национальной интеллигенции, который дискредитировал, делал непопулярным в сознании части тюрок соблюдение традиций «темного царского прошлого». По нашему убеждению, свою роль могло сыграть наличие в Волго-Уральском регионе доисламских, освещенных суфийской традицией, т.н. святых мест, паломничество к которым могло выступать в сознании части верующих в качестве альтернативы хаджа.

Таким образом, в первой трети XX в. число паломников из Волго-Уральского региона по сравнению с другими регионами было незначительным. В дореволюционный период, равно как и в 1920-е гг., выезд к священным местам был затруднен комплексом материальных обстоятельств, социально-экономическими проблемами, нестабильной внешнеполитической обстановкой. Существенно повлияли и ограничения, идущие от установок государства в этом вопросе (в особенности это было характерно для советского времени).

Однако не стоит объяснять упадок паломнического движения только материальными и внешними факторами. Не случайно уже в начале XX в. число хаджи было сравнительно незначительным, процветала практика «формального» паломничества (бедел-хадж). Свое влияние могли оказывать модернизационные тенденции духовной жизни, направленные на приспособление исламских идей и практики к современным нуждам верующих.

Возможно, идейный поиск, мировоззренческий кризис, характерный для тюркомусульманского сообщества России, отчасти способствовал не только «обмирщению» сознания, но и, напротив, обращению к традиционным началам народной культуры, выражением которых являлись, в том числе, локальные практики паломничеств (зийаратов) к могилам местных «святых». В наиболее явном виде эта тенденция обозначится в воен-

ный и послевоенный период: тогда, при отсутствии возможности выехать за рубеж, она станет типичной для всех «мусульманских» регионов СССР.

Подводя итог нашим размышлениям, отметим, что вопрос о паломничестве мусульман в идеологии и политической практике советского периода имел некоторую переключку с идеями дореволюционного времени. Сущность хаджа, одного из столпов веры, способного дать верующему осознание себя как части единой уммы, расширить его представления о мире и о себе и, в конечном итоге, усилить религиозную самоидентификацию, в глазах чиновников прежней и новой Империи находилась в перманентном противоречии с интересами государства, провоцировала антигосударственные настроения в умах мусульман.

Далеко не случайно, что именно в отношении «внутренних» мусульман Волго-Уральского региона в 1920-е гг. действовала установка на умолчание в отношении хаджа: структуры ГПУ закономерно рассматривали их как мусульман, более лояльных к власти (в сравнении с единоверцами на Кавказе, в Крыму и Средней Азии). К сожалению, приходится констатировать, что ЦДУМ по ряду причин не могло и не считало нужным добиваться расширения прав верующих в этом вопросе.

Однако при сравнении реалий начала века и 1920-х гг. становится очевидным и их серьезное отличие: советские власти подходили к этому вопросу намного более прагматично, установив жесткие рамки и пытаясь использовать вопрос о паломничестве с максимальной выгодой для себя. Уступка в отношении паломничества, на которую пошли советские власти ради достижения своих целей в деле успокоения «восточных окраин» и решения стратегических международных задач на Ближнем Востоке, как и прочие решения по «мусульманскому вопросу» (вопрос о религиозных школах, съездах), была тактическим маневром, который не ставил под сомнение «генеральный курс» на «светлое» атеистическое будущее. Хадж в глазах государства представлял собой не более чем инструмент, который за ненадобностью можно было отбросить или задейство-

вать в нужной ситуации. Подобный прагматичный подход в вопросе о хадже будет типичен для советской политической практики на всем протяжении существования СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альмушев Х. Хадж-наме. Путевые заметки. Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006.
2. Хадж российских мусульман: сборник путевых заметок о хадже / сост. и ред. И.А. Нуриманов; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. № 1. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. 112 с.
3. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 264 с.
4. Сибгатуллина А.Т. Хаджж из Волго-Уральского региона // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: сб. материалов IV Международного симпозиума / отв. ред. Р.Ф.Талипов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 125–131.
5. Сибгатуллина А.Т. Российские паломники и османские текке // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: мат-лы Всеросс. науч.-практич. конф. Казань (21 ноября 2006 г.) / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 119–127.
6. Хадж российских мусульман. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже / сост. и ред. И.А. Нуриманов. № 2. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009.
7. Хадж российских мусульман. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. № 3. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2011.
8. Ахмадуллин В. Хадж специального назначения // Независимое военное обозрение. 21.11.2012. URL: http://nvo.ng.ru/history/2012-11-21/7_hadj.html (дата обращения 5 апреля 2013 г.).
9. Нуриманов И.А. Хадж в советский период // Хадж российских мусульман. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже / сост. и ред. И.А. Нуриманов; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. № 4. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2012.
10. Хабибуллина З. Государственное регулирование паломничества (хаджа) мусульман в России // Ислам и государство: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Малашенко; сост. А.Б. Юнусова. М.; Уфа: Информреклама, 2007. С. 117–121.
11. Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане Южно-Урала в историко-правовом пространстве России: сборник законодательных актов, постановлений, распоряжений центральных и региональных органов власти и управления XX–XXI в. / авт.-сост. А.Б. Юнусова; археограф Ю.М. Абсалямов. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009.
12. Климович Л.И. Курбан-байрам: Праздник жертвоприношения и паломничество мусульман в Мекку. М.: ОГИЗ, 1933.
13. Климович Л.И. Хаджж – священный вампир ислама // Атеист. 1930. №53 (июнь).
14. Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте, 1906–1916. Казань: АН РТ, 2005.
15. Томара М. Истоки ваххабитизма // Атеист. 1930. № 53 (июнь).
16. Романенко В.С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX в. (к 80-летию со дня проведения Первого Всемирного мусульманского конгресса). Нижний Новгород: НИМ «Махинур», 2005.
17. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. М.: ЛЕНАНД, 2011.
18. Ислам и советское государство. Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.) / вступ. ст., сост. и коммент. Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача. М.: ИД Марджани, 2010.

HAJJ OF THE VOLGA-URAL MUSLIMS DURING THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

© Ju.N. Guseva

On the basis of archival documents and published materials article analyzes the characteristics of the Hajj Muslims from the Volga-Ural region during the first third of the XX century. Focuses on the extent of coverage of the pilgrimage and the circumstances complicated (stimulated) the process. It is concluded that factors other than the material order and the specific position of the Soviet state capabilities to perform the Hajj narrowed due to the approval of the modernization trends in the environment of the local Muslim clergy and the specific position of the Central Spiritual Board of Muslims (TsDUM).

Key words: Hajj, Muslims of the Volga-Ural region, pilgrimage, the Central Spiritual Board of Muslims (TsDUM), the Muslim clergy.